

Л. Троцкий.

КЛАССОВАЯ ПРИРОДА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

(ПРОБЛЕМЫ ЧЕТВЕРТОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА)

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Разрыв с Коминтерном и ориентация на новый Интернационал поставили снова вопрос о социальном характере СССР. Не означает ли крушение Коминтерна одновременно и крушения государства, вышедшего из Октябрьской революции? В обоих случаях дело идет ведь об одной и той же правящей организации: о сталинском аппарате. Он применял одни и те же методы внутри СССР, как и на международной арене. Мы, марксисты, никогда не покровительствовали двойной бухгалтерии брандлерянцев, согласно которой политика сталинцев в СССР безупречна, а за пределами СССР гибельна. *(Мудрые американские брандлерянцы (группа Ловстона) усложняют вопрос: экономическая политика сталинцев, мол, безупречна, но политический режим в СССР плох: нет демократии. Этим теоретикам не приходит в голову спросить себя: почему же Сталин ликвидирует демократию при правильной и успешной экономической политике? Не из опасения ли, что партия и рабочий класс, при наличии пролетарской демократии слишком бурно и беспокойно будут выражать свой восторг по поводу экономической политики?)* По нашему убеждению, она одинаково гибельна в обоих случаях. Не приходится ли в таком случае признать одновременное крушение Коминтерна и ликвидацию пролетарской диктатуры в СССР?

Это рассуждение кажется на первый взгляд неотразимым. Но оно ошибочно. Если методы сталинской бюрократии однородны во всех областях, то объективные результаты этих методов зависят от внешних условий или, говоря языком механики, от сопротивления материала. Коминтерн представлял орудие, предназначенное для ниспровержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата. Советское государство представляет орудие

для сохранения завоеваний уже совершенного переворота. У коммунистических партий Запада нет никакого унаследованного капитала. Сила их (на самом деле их слабость) — в них самих и только в них. Сила сталинского аппарата на девять десятых не в нем, а в произведенных победоносной революцией социальных изменениях. Одно это соображение еще, конечно, не разрешает вопроса: но оно имеет большое методологическое значение. Оно показывает нам, как и почему сталинский аппарат мог окончательно утратить свое значение, в качестве международного революционного фактора, и сохранить часть своего прогрессивного значения, в качестве сторожа при социальных завоеваниях пролетарской революции. Такое двойственное положение представляет собой, к слову сказать, одно из проявлений неравномерности исторического развития.

Правильная политика рабочего государства не может сводиться только к национальному экономическому строительству. Если революция не будет расширяться по системе пролетарской спирали на международной арене, она неизменно начнет сужаться по системе бюрократической спирали в национальных рамках. Если диктатура пролетариата не становится европейской и мировой, она идет навстречу собственному крушению. В большой исторической перспективе все это совершенно бесспорно. Но все дело в конкретных исторических сроках. Можно ли сказать, что политика сталинской бюрократии уже привела к ликвидации рабочего государства? В этом сейчас вопрос.

Против утверждения, будто рабочее государство уже ликвидировано, выступает прежде всего важное методологическое положение марксизма. Диктатура пролетариата была установлена при помощи политического переворота и трех лет гражданской войны. Классовая теория общества, как и исторический опыт, одинаково свидетельствуют о невозможности победы пролетариата мирным путем, т. — е. без грандиозных классовых боев с оружием в руках. Мыслима ли в таком случае мирная, незаметная, «постепенная» буржуазная контрреволюция? До сих пор, во всяком случае, феодальные, как и буржуазные контрреволюции никогда не происходили «органически», а непременно требовали вмешательства военной хирургии. Теории реформизма, поскольку реформизм вообще возвышался до теорий, всегда в последнем счете основаны на непонимании глубины и непримиримости классовых противоречий: отсюда перспектива мирного перерастания капитализма в социализм. Марксистский тезис о катастрофическом характере перехода власти из рук одного класса в руки другого, относится не только к революционным периодам, когда история бешено мчится вперед, но и к периодам контрреволюции, когда общество откатывается назад. Кто утверждает, что советское государство постепенно превратилось из пролетарского в буржуазное, тот как бы разворачивает фильм реформизма в обратном направлении.

Противники могут возразить, что это общее методологическое рассуждение, как оно ни важно само по себе, все же слишком абстрактно, чтоб разрешить вопрос. Истина всегда конкретна. Тезис о непримиримости классовых противоречий может и должен направлять наше исследование, но не может заменить его результатов. Надо углубиться в материальное содержание самого исторического процесса.

Мы отвечаем: верно, что методологический довод не исчерпывает проблемы. Но он, во всяком случае, перелагает тяжесть доказательств на противную сторону. Критики, считающие себя марксистами, должны показать, каким образом буржуазия, сдавшая власть в трехлетних боях, могла вернуть себе эту власть

без всяких боев. Так как, однако, наши противники почти не пытаются придать своей оценке советского государства сколько-нибудь серьезное теоретическое выражение, то мы попытаемся здесь проделать эту работу за них.

«ДИКТАТУРА НАД ПРОЛЕТАРИАТОМ»

Самым распространенным, популярным и на первый взгляд неотразимым доводом в пользу непролетарского характера нынешнего советского государства является ссылка на удушение свободы пролетарских организаций и на всемогущество бюрократии. Можно ли, в самом деле, отождествлять диктатуру аппарата, приведшую к диктатуре одного лица, с диктатурой пролетариата, как класса? Не ясно ли, что диктатура пролетариата исключается диктатурой над пролетариатом?

Это заманчивое рассуждение построено не на материалистическом анализе процесса, как он разворачивается в действительности, а на чисто-идеалистических схемах, на кантианских нормах. Некоторые благородные «друзья» революции составили себе весьма лучезарное представление о диктатуре пролетариата и впадают в полную прострацию при виде того, что реальная диктатура, со всем наследием классового варварства, со всеми своими внутренними противоречиями, с ошибками и преступлениями руководства, совершенно не похожа на тот прилизанный образ, который они себе составили. Разочарованные в своих лучших чувствах, они поворачиваются к Советскому Союзу спиной.

Где и в каких книжках можно найти безошибочный рецепт пролетарской диктатуры? Диктатура класса далеко не всегда означает прямое участие всей его массы в управлении государством. Мы это видели прежде всего на примере имущих классов. Дворянство господствовало через монархию, перед которой стояло на коленях. Диктатура буржуазии принимала сравнительно развернутые демократические формы только в условиях подъема капитализма, когда господствующему классу нечего было бояться. На наших глазах демократия заменилась в Германии самодержавием Гитлера, причем все традиционные буржуазные партии были разбиты в щепы. Германская буржуазия не управляет ныне непосредственно: политически она находится в полном подчинении у Гитлера и его банд. Тем не менее, диктатура буржуазии остается в Германии ненарушенной, ибо все условия ее социального господства сохранены и укреплены. Экспроприировав буржуазию политически, Гитлер спас ее, хотя бы только на время, от экономической экспроприации. Тот факт, что буржуазия оказалась вынуждена прибегнуть к фашистскому режиму, свидетельствует о том, что ее господство под угрозой, но никак не о том, что оно пало.

Предвосхищая наши дальнейшие выводы, противники поторопятся возразить: если буржуазия, как эксплуататорское меньшинство может сохранять свое господство и при помощи фашистской диктатуры, то пролетариат, строящий социалистическое общество, должен руководить своим государством сам, непосредственно, вовлекая все более широкие массы народа в дело управления. В таком общем виде этот довод бесспорен, но для данного случая он означает лишь то, что нынешняя советская диктатура есть больная диктатура. Страшные трудности социалистического строительства в изолированной и отсталой стране, в сочетании с ложной политикой руководства, которая тоже отражает в последнем счете давление отсталости и изолированности, привели к тому, что бюрократия экспроприировала

пролетариат политически, чтоб своими методами охранять его социальные завоевания. Анатомия общества определяется его экономическими отношениями. Пока созданные Октябрьской революцией формы собственности не опрокинуты, господствующим классом остается пролетариат.

Рассуждения насчет «диктатуры бюрократии над пролетариатом», без более глубокого анализа, т.— е. без выяснения социальных корней и классовых границ бюрократического командования, сводятся просто-напросто к хлестким демократическим фразам, чрезвычайно популярным у меньшевиков. Можно не сомневаться, что огромное большинство советских рабочих недовольно бюрократией, значительная часть, и не худшая, ненавидит ее. Если, однако, это недовольство не принимает бурных массовых форм, то не только из-за репрессий: рабочие боятся, что, опрокинув бюрократию, они расчистят поле классовому врагу. Взаимоотношение между бюрократией и классом в действительности гораздо сложнее, чем представляется легковесным «демократам». Советские рабочие справились бы с самовластием аппарата, если б перед ними открылась другая перспектива, если б небо на Западе окрасилось не в коричневую краску фашизма, а в красный цвет революции. Пока этого нет, пролетариат со скрежетом зубным терпит («толерирует») бюрократию, и в этом смысле признает ее носительницей пролетарской диктатуры. Каждый советский рабочий, если с ним поговорить по душам, не пощадит крепких слов по адресу сталинской бюрократии. Но ни один из них не признает, что контрреволюция уже совершилась.

Пролетариат составляет становой хребет советского государства. Но поскольку функция господства сосредоточена в руках безответственной бюрократии, постольку мы имеем перед собой заведомо больное государство. Излечимо ли оно? Не означают ли дальнейшие попытки лечения бесплодную трату драгоценного времени? Вопрос плохо поставлен. Под лечением мы понимаем не какие-либо искусственные меры, в стороне от мирового революционного движения, а дальнейшую борьбу под знаменем марксизма. Беспощадная критика сталинской бюрократии, воспитание кадров нового Интернационала, возрождение боеспособности мирового пролетарского авангарда,— такова суть «лечения». Оно совпадает с основным направлением исторического прогресса.

За последние годы — отметим к слову — противники не раз говорили нам, что мы «теряем напрасно время», занимаясь лечением Коминтерна. Мы никогда и никому не обещали, что вылечим Коминтерн. Мы лишь отказывались, до решающей проверки, объявить больного мертвым или безнадежно больным. Во всяком случае, на «лечение» мы не потеряли ни одного дня. Мы формировали революционные кадры и, что не менее важно, готовили основные теоретические и программные положения нового Интернационала.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА, КАК ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ НОРМА

Господа «кантианские» социологи (извиняемся пред тенью Канта) приходят нередко к тому выводу, что «настоящая» диктатура, т.— е. такая, которая отвечает их идеальным нормам, существовала только в дни Парижской коммуны или в первый период Октябрьской революции, до Брест-литовского мира, в лучшем случае, до нэпа. Вот, что называется попасть пальцем в небо! Если Маркс и Энгельс называли Парижскую коммуну «диктатурой пролетариата», то лишь в силу заложенных в ней возможностей. Сама же по себе коммуна еще не была диктатурой

пролетариата. Захватив власть, она плохо знала, что с ней делать; не наступала, а выжидала; оставалась замкнутой в кольце Парижа; не смела прикоснуться к государственному банку; не произвела, да и не могла произвести переворота в отношениях собственности, ибо не располагала властью в национальном масштабе. К этому надо прибавить бланкистскую односторонность и прудонистские предрассудки, которые не позволяли даже вождям движения полностью осознать коммуну, как диктатуру пролетариата.

Не более счастливый характер имеет ссылка на первый период Октябрьской революции. Не только до Брест-литовского мира, но и до осени 1918 года социальное содержание революции ограничивалось мелкобуржуазным аграрным переворотом и рабочим контролем над производством. Это значит, что революция не выходила еще, по своим действиям, за пределы буржуазного общества. В этот первый период наряду с рабочими советами, и не редко оттесняя их, господствовали солдатские советы. Только к осени 1918 года мелкобуржуазная солдатски-аграрная стихия входит понемногу в берега, а рабочие приступают к национализации средств производства. Только с этого времени можно говорить о наступлении действительной диктатуры пролетариата. Но и здесь еще требуется большая оговорка. Диктатура географически ограничивалась в те первые годы старым московским княжеством и вынуждена была вести трехлетнюю войну по всем радиусам от Москвы к периферии. Это значит, что до 1921 года, т.— е. как раз до нэпа, шла только еще борьба за установление диктатуры пролетариата в масштабе всего государства. А так как, начиная с нэпа, диктатура, по мнению лже-марксистских филистеров, исчезла, то значит ее и вообще никогда не существовало. Для этих господ диктатура пролетариата есть просто невесомое понятие, идеальная норма, неосуществимая на нашей грешной земле. Немудрено, если «теоретики» этого типа, поскольку они не отказываются начисто от самого имени диктатуры, стремятся смазать непримиримое противоречие между нею и буржуазной демократией.

Крайне характерна, под лабораторным, а не политическим углом зрения, парижская секта «коммунистов-демократов» (Суварин и К°). В самом их названии уже заключается разрыв с марксизмом. В критике Готской программы Маркс отвергал название социал-демократии в виду того, что оно ставит революционную социалистическую борьбу под формальный контроль демократии. Совершенно очевидно, что «коммунисты-демократы» принципиально не отличаются от «социалистов-демократов», т.— е. социал-демократов. Между социализмом и коммунизмом нет устойчивой перегородки. Грехопадение начинается с того момента, когда социализм и коммунизм, как движение или как государство, подчиняется не реальному ходу классово-борьбы, не материальным условиям исторического процесса, а над-социальной и над-исторической абстракции «демократии», которая на деле является орудием самозащиты буржуазии против пролетарской диктатуры. Если в эпоху Готской программы еще можно было в слове социал-демократия видеть лишь неправильное, ненаучное название для здоровой по духу пролетарской партии, то вся дальнейшая история буржуазной и «социальной» демократии превращает знамя «демократического коммунизма (?)» «в знамя прямой классово-измены. *(Интересующиеся, если таковые найдутся, могут ознакомиться с «платформой» самих «коммунистов (!) — демократов». С точки зрения основ марксизма, трудно себе представить более шарлатанский документ.)*

БОНАПАРТИЗМ

Противник типа Урбанса скажет: реставрации буржуазного режима действительно еще нет, но нет уже и рабочего государства; нынешний советский режим есть над-классовое или между-классовое бонапартистское государство. С этой теорией мы уже свели в свое время счеты. Исторически бонапартизм был и остается правительством буржуазии в периоды кризисов буржуазного общества. Можно и должно различать «прогрессивный» бонапартизм, закрепляющий чисто капиталистические завоевания буржуазной революции, и бонапартизм упадка капиталистического общества, конвульсивный бонапартизм нашей эпохи (Папен — Шлейхер, Дольфус, кандидат в голландские бонапарты Колейн и проч.). Бонапартизм всегда означает политическое лавирование между классами; но под бонапартизмом, во всех его исторических перевоплощениях, сохраняется одна и та же социальная база: буржуазная собственность. Нет ничего абсурднее, как из бонапартистского виляния между классами или из «надклассового» положения бонапартистской шайки делать вывод о бесклассовом характере бонапартистского государства. Чудовищный вздор! Бонапартизм есть лишь одна из разновидностей капиталистического господства.

Если Урбанс хочет расширить понятие бонапартизма, распространив его также и на нынешний советский режим, то мы готовы принять такое расширенное толкование,— при одном условии: если социальное содержание советского «бонапартизма» будет определено с необходимой ясностью. Совершенно верно, что самовластие советской бюрократии сложилось на почве лавирования между классовыми силами, как внутренними, так и внешними. Поскольку бюрократическое лавирование увенчалось личным плебисцитарным режимом Сталина, можно говорить о советском бонапартизме. Но если бонапартизм обоих Бонапартов, как и нынешних жалких последышей, развертывался и развертывается на основе буржуазного режима, то бонапартизм советской бюрократии имеет под собой почву пролетарского режима. Терминологические новшества или исторические аналогии могут представлять те или иные удобства для анализа, но не могут изменить социальной природы советского государства.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ»

За последний период Урбанс создал, впрочем, новую теорию: экономический строй советов оказывается разновидностью «государственного капитализма». «Прогресс» состоит в том, что от терминологических упражнений в области политической надстройки, Урбанс спустился к экономическому фундаменту. Но этот спуск, увы, не принес ему добра.

Государственный капитализм есть, по Урбансу, новейшая форма самозащиты буржуазного режима: достаточно взглянуть на корпоративно-«планирующее» государство в Италии, Германии и Соединенных Штатах. Привыкший к широкому размаху, Урбанс прибавляет сюда и СССР. Об этом скажем ниже. Поскольку дело касается капиталистических государств, Урбанс подходит к очень важному явлению нашей эпохи. Монопольный капитализм давно перерос и частную собственность на средства производства и границы национального государства. Однако, рабочий класс, парализованный своими собственными организациями, не сумел своевременно освободить производительные силы общества из капиталистических оков. Отсюда затяжная эпоха экономических и политических

конвульсий. Производительные силы бьются о перегородки частной собственности и о национальные границы. Буржуазные государства вынуждены усмирять бунт собственных производительных сил при помощи полицейского кулака. Это и есть так называемая «плановая экономика». Можно условно назвать ее «государственным капитализмом», поскольку государство пытается обуздать и дисциплинировать капиталистическую анархию.

Напомним, однако, что первоначально марксисты под государственным капитализмом понимали лишь самостоятельные хозяйственные предприятия государства. Когда реформисты мечтали преодолеть капитализм при помощи муниципализации и огосударствления все большего числа транспортных и промышленных предприятий, марксисты возражали: это не социализм, а государственный капитализм. В дальнейшем это понятие получило, однако, расширительный смысл и стало применяться ко всем видам государственного вмешательства в хозяйство; французы употребляют в этом смысле слово «этатизм».

Урбанс, однако, не только констатирует потуги «государственного капитализма», — он их, по своему, оценивает. Насколько вообще можно понять его, он объявляет режим «государственного капитализма» необходимой и притом прогрессивной стадией в развитии общества, в том же смысле, в каком трест является прогрессом по сравнению с разрозненными предприятиями. Одной этой фундаментальной ошибки в оценке капиталистического планирования достаточно, чтоб похоронить любое направление.

Если в эпоху капиталистического восхождения, конец которой положила война, различные формы огосударствления можно было рассматривать — при известных политических предпосылках, — как прогрессивное явление, т. е. считать, что государственный капитализм ведет общество вперед, облегчая будущую экономическую работу пролетарской диктатуры, то нынешнюю «плановую экономику» приходится рассматривать, как насквозь реакционную стадию: государственный капитализм стремится вырвать хозяйство из мирового разделения труда, приспособить производительные силы к Прокрустову ложу национального государства, искусственно сократить производство в одних отраслях и искусственно же создать другие отрасли при помощи громадных накладных расходов. Экономическая политика нынешнего государства, начиная с таможен старо-китайского образца и кончая эпизодами запрещения машин в «плановом хозяйстве» Гитлера, достигает неустойчивого регулирования ценою снижения национального хозяйства, внесения хаоса в мировые отношения и полного расстройства денежной системы, которая весьма и весьма понадобится для социалистического планирования. Нынешний государственный капитализм не подготавливает и не облегчает будущую работу социалистического государства, наоборот, создает для нее колоссальные дополнительные трудности. Пролетариат упустил ряд сроков для захвата власти. Этим он создал условия: в политике — для фашистского варварства, в экономике — для разрушительной работы «государственного капитализма». После завоевания власти пролетариату придется экономически расплачиваться за политические упущения.

ХОЗЯЙСТВО СССР

В рамках данной работы нас, однако, больше всего интересует то обстоятельство, что Урбанс пытается под понятие «государственного капитализма» подвести

и хозяйство СССР. При этом — трудно поверить! — он ссылается на Ленина. Объяснить эту ссылку можно только одним: в качестве вечного изобретателя, создающего ежемесячно по новой теории, Урбанс не имеет времени читать книги, на которые ссылается. Термин «государственный капитализм» Ленин действительно применял, но не к советскому хозяйству в целом, а лишь к определенной его части: иностранным концессиям, смешанным промышленным и торговым обществам и, отчасти, к контролируемой государством крестьянской, в значительной мере кулацкой, кооперации. Все это — бесспорные элементы капитализма; а так как они контролируются государством и даже функционируют при прямом его участии, как смешанные общества, то Ленин условно, «в кавычках», по его собственному выражению, назвал эти хозяйственные формы «государственным капитализмом». Условность термина определялась тем, что дело шло не о буржуазном, а о пролетарском государстве: кавычки и должны были подчеркнуть эту немаловажную разницу. Поскольку, однако, пролетарское государство допускало частный капитал и позволяло ему, в известных рамках, эксплуатировать рабочих, постольку оно одним своим крылом прикрывало буржуазные отношения. В этом, строго ограниченном, смысле можно было говорить о «государственном капитализме».

Самый термин Ленин выдвинул во время перехода к нэпу, когда он предполагал, что концессии и «смешанные общества», т.— е. предприятия, основанные на сочетании государственного и частного капитала, займут крупнейшее место в советском хозяйстве, наряду с чисто государственными трестами и синдикатами. В отличие от государственно-капиталистических предприятий, т.— е. концессий и проч., Ленин определял советские тресты и синдикаты, как «предприятия последовательно социалистического типа». Дальнейшее развитие советской экономики, особенно промышленности, Ленин представлял себе в виде конкуренции государственно-капиталистических и чисто-государственных предприятий.

Теперь, надеемся, ясно, в каких пределах Ленин употреблял термин, введший в соблазн Урбанса. Чтоб довершить теоретическую катастрофу вождя «Ленин (!) — бунда», надо еще напомнить, что ни концессии, ни смешанные общества, вопреки первоначальным ожиданиям Ленина, не играли в развитии советского хозяйства почти никакой роли. Сейчас от этих «государственно-капиталистических» предприятий вообще ничего не осталось. Наоборот, советские тресты, судьба которых казалась еще очень смутной на заре нэпа, получили в ближайшие годы после Ленина гигантское развитие. Таким образом, если пользоваться ленинской терминологией добросовестно и с пониманием дела, то придется сказать, что советское хозяйственное развитие совершенно обошло стадию «государственного капитализма» и развернулось по каналу предприятий «последовательно социалистического типа».

Однако, и здесь нужно устранить возможные недоразумения, на этот раз прямо противоположного характера. Ленин выбирал свои термины точно. Он называл тресты не социалистическими предприятиями, как именуют их теперь сталинцы, а предприятиями «социалистического типа». Это тонкое терминологическое различие означало под пером Ленина, что тресты получают право называться социалистическими, не по типу, т.— е. не по тенденции, а по своему подлинному содержанию, когда революционизируют сельское хозяйство, когда уничтожат противоположность между городом и деревней, когда научатся удовлетворять полностью все человеческие потребности; другими словами, лишь в меру того, как

на основе национализированной промышленности и коллективизированного сельского хозяйства, сложится действительно социалистическое общество. Достижение этой цели Ленин мыслил, как преемственную работу двух-трех поколений, притом в неразрывной связи с развитием международной революции.

Резюмируем. Под государственным капитализмом, в строгом смысле слова, надлежит понимать ведение буржуазным государством промышленных и иных предприятий за собственный счет или «регулирующее» вмешательство буржуазного государства в работу частно-капиталистических предприятий.

Под государственным капитализмом «в кавычках» Ленин понимал контроль пролетарского государства над частно-капиталистическими предприятиями и отношениями. Ни одно из этих определений к нынешнему советскому хозяйству ни с какой стороны не подходит. Какое собственно конкретное экономическое содержание вкладывает Урбанс в понятие советского «государственного капитализма», остается совершенной тайной. Попросту сказать, вся его новейшая теория построена на плохо прочитанной цитате.

БЮРОКРАТИЯ И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС

Есть, однако, и другая теория «непролетарского» характера советского государства, более замысловатая, более осторожная, но не более серьезная. Французский социал-демократ Л. Лора (Lucien Laurat), сподвижник Блюма и учитель Суварина, написал книжку в защиту того взгляда, что советское общество, не являясь ни пролетарским ни буржуазным, представляет собой совершенно новый тип классовой организации, так как бюрократия не только господствует над пролетариатом политически, но и эксплуатирует его экономически, поглощая ту прибавочную стоимость, которая раньше приходилась на долю буржуазии. Лора облекает свои откровения в тяжеловесные формулы «Капитала» и придает, таким образом, своей поверхностной, чисто описательной «социологии» видимость глубины. Компилятор, по-видимому, не знает, что вся его теория, только с гораздо большим огнем и блеском, формулирована была свыше тридцати лет тому назад русско-польским революционером Махайским, который имел то преимущество над своим французским вульгаризатором, что не дожидался ни Октябрьской революции ни сталинской бюрократии, чтобы заранее определить «диктатуру пролетариата», как подмостки для командующих постов эксплуататорской бюрократии. Но и Махайский не создал свою теорию из ничего: он лишь социологически и экономически «углубил» анархические предрассудки против государственного социализма. Махайский, кстати сказать, тоже пользовался формулами Маркса, но более последовательно, чем Лора: по Махайскому, автор «Капитала» злоумышленно скрыл в формулах воспроизводства (2-ой том) ту долю прибавочной стоимости, которую будет поглощать социалистическая интеллигенция (бюрократия).

В наше время подобного рода «теорию», но без обличения эксплуататора-Маркса, защищал Мясников, который объявил, что диктатура пролетариата в Советском Союзе сменилась господством нового класса: социал-бюрократии. Весьма вероятно, что прямо или косвенно Лора почерпнул свою теорию именно у Мясникова и лишь придал ей педантски-«ученое» выражение. Для полноты надо еще добавить, что Лора усвоил себе все ошибки (только ошибки) Розы Люксембург, в том числе и те, от которых она сама успела отказаться.

Однако, подойдем ближе к самой «теории». Класс, для марксиста, представляет исключительно важное и притом научно-очерченное понятие. Класс определяется не одним лишь участием в распределении национального дохода, а самостоятельной ролью в общей структуре хозяйства, самостоятельными корнями в экономическом фундаменте общества. Каждый класс (феодалы, крестьянство, мелкая буржуазия, капиталистическая буржуазия, пролетариат) вырабатывает свои особые формы собственности. Всех этих социальных черт бюрократия лишена. Она не имеет самостоятельного места в производственно-распределительном процессе. Она не имеет самостоятельных имущественных корней. Ее функции относятся, в основе своей, к политической технике классового господства. Наличие бюрократии, при всем различии ее форм и удельного веса, характеризует всякий классовый режим. Ее сила имеет отраженный характер. Бюрократия нерасторжимо связана с экономически господствующим классом, питается его социальными корнями, держится и падает вместе с ним.

КЛАССОВАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРАЗИТИЗМ

Лора скажет, что он «не возражает» против оплаты труда бюрократии, поскольку она выполняет необходимые политические, хозяйственные и культурные функции, но дело идет о бесконтрольном присвоении ею совершенно непомерной части национального дохода: именно в этом смысле она является «эксплуататорским классом». Довод этот, опирающийся на бесспорные факты, не меняет, однако, социальной физиономии бюрократии.

Всегда и при всяком режиме бюрократия поглощает немалую часть прибавочной стоимости. Было бы небезынтересно подсчитать, например, какую долю национального дохода поглощает в Италии или в Германии фашистская саранча! Но этот факт, немаловажный сам по себе, совершенно недостаточен для превращения фашистской бюрократии в самостоятельный правящий класс. Она является приказчиком буржуазии. Правда, этот приказчик сидит на спине у хозяина, вырывает у него подчас изо рта жирные куски и в добавление плюет ему на лысину. Приказчик, что и говорить, крайне неудобный! Но все же не более, как приказчик. Буржуазия мирится с ним, ибо без него ей и ее режиму пришлось бы совсем плохо.

Mutatis mutandis (изменяя то, что подлежит изменению) сказанное только что можно применить и к сталинской бюрократии. Она пожирает, растеривает и расхищает значительную часть народного достояния. Ее управление крайне дорого обходится пролетариату. Она занимает чрезвычайно привилегированное положение в советском обществе, не только в смысле политических и административных прав, но и в смысле огромных материальных преимуществ. Но самые большие квартиры, самые кровавые бифштексы и даже Ролс-Ройсы еще не превращают бюрократию в самостоятельный господствующий класс.

В социалистическом обществе неравенство, тем более столь вопиющее, было бы, конечно, совершенно невозможным. Но вопреки официальной и официозной лжи, нынешний советский режим является не социалистическим, а переходным. Он несет в себе еще чудовищное наследие капитализма, в частности социальное неравенство, притом не только между бюрократией и пролетариатом, но и внутри бюрократии и внутри пролетариата. В известных пределах неравенство остается еще на данной стадии буржуазным орудием социалистического прогресса: дифференциальная заработная плата, премии и проч., как стимул соревнования.

Объясняя неравенство, переходный характер нынешнего строя несколько не оправдывает тех чудовищных, явных и тайных привилегий, которые присваивают себе бесконтрольные верхи бюрократии. Левая оппозиция не дожидалась откровений Урбанса, Лора, Суварина, Симон Вейль (*Придя в отчаяние от «неудачных» опытов диктатуры пролетариата, Симон Вейль нашла утешение в новом призвании: защищать свою личность от общества. Формула старого либерализма, освеженная дешевой анархической экзальтацией! И подумать только, что Симон Вейль величественно говорит о наших «иллюзиях». Ей и ей подобным нужно было бы много лет упорного труда, чтобы освободиться от самых реакционных мелкобуржуазных предрассудков. Разумеется, ее новые взгляды нашли себе приют в органе, который носит явно ироническое название «Пролетарская революция». Издание Лузена, как нельзя лучше приспособлено для революционных меланхоликов, политических рантье, живущих на проценты с капитала воспоминаний, и претенциозных резонеров, которые, может быть, примкнули к революции... после того, как она будет совершена.*) и проч., чтобы заявить, что бюрократизм, во всех своих проявлениях, расшатывает моральные скрепы советского общества, порождает острое и законное недовольство масс и подготавливает великие опасности. Тем не менее, привилегии бюрократии, сами по себе, еще не меняют основ советского общества, ибо бюрократия почерпает свои привилегии не из каких-либо особых отношений собственности, свойственных ей, как «классу», а из тех самых имущественных отношений, которые созданы Октябрьской революцией и, в основном, адекватны диктатуре пролетариата.

Поскольку бюрократия, говоря попросту, обворовывает народ (а это в разных формах делает всякая бюрократия), постольку мы имеем дело не с классовой эксплуатацией, в научном смысле слова, а с социальным паразитизмом, хотя бы и очень большого масштаба. Духовенство в средние века было классом, или сословием, поскольку его господство опиралось на определенную систему земельной собственности и подневольного труда. Нынешняя церковь является не эксплуататорским классом, а паразитической корпорацией. Нелепо было бы, в самом деле, говорить об американском духовенстве, как об особом господствующем классе; между тем, несомненно, что попы разных мастей поглощают в Соединенных Штатах крупную часть прибавочной стоимости. Чертами паразитизма бюрократия, как и духовенство, приближается к люмпен-пролетариату, который тоже не представляет, как известно, самостоятельного «класса».

ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Вопрос предстанет пред нами рельефнее, если мы возьмем его не в статическом, а в динамическом разрезе. Непроизводительно расточая огромную долю национального дохода, советская бюрократия в то же время, по самой своей функции, заинтересована в экономическом и культурном росте страны: чем выше национальный доход, тем обильнее фонд ее привилегий. Между тем, на социальных основах советского государства, экономический и культурный подъем трудящихся масс должен подорвать самые основы бюрократического господства. Ясно, что в этом счастливом историческом варианте бюрократия оказывается только орудием — плохим и дорогим орудием — социалистического государства.

Но расточая все большую часть национального дохода и нарушая основные пропорции хозяйства, — так возразят нам, — бюрократия замедляет экономический и культурный рост страны. Совершенно верно! Дальнейшее беспрепятственное

развитие бюрократизма должно было бы неизбежно привести к приостановке экономического и культурного роста, к грозному социальному кризису и к откату всего общества назад. Но это означало бы не только крушение пролетарской диктатуры, но одновременно и конец бюрократического господства. На смену рабочему государству пришли бы не «социал-бюрократические», а капиталистические отношения.

Мы надеемся, что перспективная постановка вопроса окончательно помогает нам разобраться в споре о классовой природе СССР: берем ли мы вариант дальнейших преуспеваний советского режима или, наоборот, вариант его крушения, бюрократия одинаково оказывается не самостоятельным классом, а наростом на пролетариате. Опухоль может достигнуть огромных размеров и даже задушить живой организм, но опухоль никогда не может превратиться в самостоятельный организм.

Прибавим, наконец, для полной ясности: если бы сегодня в СССР у власти оказалась марксистская партия, она обновила бы весь политический режим, перетасовала бы, очистила и обуздала бюрократию контролем масс, преобразовала бы всю административную практику, внесла бы ряд капитальных реформ в руководство хозяйством, но ей ни в каком случае не пришлось бы совершать переворот в имущественных отношениях, т.— е. новую социальную революцию.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию. Именно потому мы и называем сталинский аппарат центристским, что он выполняет двойственную роль: сегодня, когда уже нет и еще нет марксистского руководства, он защищает своими методами пролетарскую диктатуру; но методы эти таковы, что облегчают завтрашнюю победу врага. Кто не понял этой двойственной роли сталинизма в СССР, тот не понял ничего.

Социалистическое общество будет жить без партии, как и без власти. В условиях переходной эпохи политическая надстройка играет решающую роль. Развернутая и устойчивая диктатура пролетариата предполагает руководящую роль партии, как самодеятельного авангарда; сплоченность пролетариата при помощи системы профессиональных союзов; неразрывную связь трудящихся с государством через систему советов, наконец, боевое единство рабочего государства с мировым пролетариатом через Интернационал. Между тем, бюрократия задушила партию, профсоюзы, советы и Коминтерн. Незачем здесь разъяснять, какая гигантская доля вины за перерождение пролетарского режима лежит на покрытой преступлениями и изменами международной социал-демократии, к которой принадлежит между прочим и г-н Лора. *(Этот пророк обвиняет русских большевиков-ленинцев в недостатке революционной решимости. Смешав, в австро-марксистском стиле, революцию и контрреволюцию, возвращение к буржуазной демократии и сохранение пролетарской диктатуры, Лора преподает Раковскому уроки революционных действий. Этот же самый джентльмен объявляет мимоходом Ленина «посредственным теоретиком». Не мудрено! Ленин, который сложнейшим теоретическим выводам придавал простейшее выражение, не может импонировать претенциозному филистеру, который скудным и плоским обобщениям придает кабалистический вид. Проект визитной карточки: «Люсьен Лора, резервный*

теоретик и стратег пролетарской революции... для России; по постоянной профессии — подручный Леона Блюма». Надпись несколько длинна, но верна. А говорят, что у этого «теоретика» есть сторонники в среде молодежи. Бедная молодежь!)

Но каково бы ни было действительное распределение исторической ответственности, результат один: удушение партии, советов и профсоюзов означает политическую атомизацию пролетариата. Социальные антагонизмы не преодолеваются политически, а подавляются административно. Они накапливаются под прессом в такой же мере, в какой исчезают политические ресурсы для их нормального разрешения. Первая большая социальная встряска, внешняя или внутренняя, может привести атомизированное советское общество в состояние гражданской войны. Рабочие, потерявшие контроль над государством и хозяйством, могут прибегнуть к массовым стачкам, как оружию самообороны. Дисциплина диктатуры окажется нарушенной. Под напором рабочих, как и под давлением экономических трудностей, тресты окажутся вынуждены прорвать плановое начало и вступить в конкуренцию друг с другом. Расшатка режима найдет, конечно, бурный и хаотический отголосок в деревне и неизбежно перекинется в армию. Социалистическое государство рухнет, уступив место капиталистическому режиму, вернее капиталистическому хаосу.

Сталинская пресса воспроизведет, конечно, наш предостерегающий анализ, как контрреволюционное пророчество или даже, как «пожелание» троцкистов. По адресу газетной челяди аппарата мы давно не знаем иного чувства, кроме спокойного презрения. Мы считаем положение опасным, но совсем не безнадежным. Во всяком случае было бы позорным малодушием и прямым предательством объявлять величайшую революционную позицию потерянной — до боя и без боя.

ВОЗМОЖНО ЛИ «МИРНОЕ» СНЯТИЕ БЮРОКРАТИИ?

Если верно, что бюрократия сосредоточивает в своих руках всю власть и все подступы к ней,— а это верно,— то возникает немаловажный вопрос: как подойти к реорганизации советского государства? и можно ли разрешить эту задачу мирными способами?

Прежде всего установим, в виде непреложной аксиомы, что разрешить задачу может только революционная партия. Создание революционной партии в СССР из здоровых элементов старой партии и из молодежи есть основная историческая задача. Ниже будет сказано, при каких условиях она может быть разрешена. Предположим, однако, что такая партия уже существует. Какими путями могла бы она овладеть властью? Еще в 1927 году Сталин сказал по адресу оппозиции: «нынешняя правящая группировка может быть устранена только гражданской войной». Это был бонапартистский, по духу, вызов — не по адресу левой оппозиции, а по адресу партии. Сосредоточив в своих руках все рычаги, бюрократия открыто провозгласила, что не позволит больше пролетариату поднять голову. Дальнейший ход событий придавал этому вызову большой вес. После опыта последних лет было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. В сущности 12-ый съезд (начало 1923 года) был последним съездом большевистской партии. Следующие съезды были бюрократическими парадами. Сейчас и такие съезды отменены. Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных, «конституционных» путей.

Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой.

Челядь сейчас же подхватит: «троцкисты», подобно Каутскому, проповедуют вооруженное восстание против диктатуры пролетариата. Пройдем мимо. Для новой пролетарской партии вопрос о завладении властью может практически встать лишь в тот момент, когда она сплотит вокруг себя большинство рабочего класса. На пути к такому радикальному изменению в соотношении сил бюрократия будет оказываться все более изолированной и все более расколотой. Социальные корни бюрократии лежат, как мы знаем, в пролетариате: если не в его активной поддержке, то, по крайней мере, в его «толерировании». При переходе пролетариата в активность, сталинский аппарат повиснет в воздухе. Если он все же попытается сопротивляться, придется применить против него не меры гражданской войны, а скорее меры полицейского порядка. Дело будет идти, во всяком случае, не о восстании против диктатуры пролетариата, а об устранении злокачественного нароста на ней.

Настоящая гражданская война могла бы развернуться не между сталинской бюрократией и поднявшимся пролетариатом, а между пролетариатом и активными силами контрреволюции. О самостоятельной роли бюрократии, в случае открытого столкновения двух массовых лагерей, не могло бы быть и речи. Ее полярные фланги распределились бы по разные стороны баррикады. Судьбу дальнейшего развития predeterminedил бы, конечно, исход борьбы. Во всяком случае, победа революционного лагеря мыслима была бы только под руководством пролетарской партии, которая победой над контрреволюцией была бы естественно поднята к власти.

НОВАЯ ПАРТИЯ В СССР

Что ближе: опасность крушения советской власти, подточенной бюрократизмом, или час объединения пролетариата вокруг новой партии, способной спасти Октябрьское наследство? На такой вопрос нет априорного ответа; решит борьба. Соотношение сил определится на большой исторической проверке, которой может явиться и война. Ясно, во всяком случае, что одними внутренними силами, в обстановке дальнейшего распада мирового пролетарского движения и расширения фашистского господства, удержать советскую власть долго нельзя. Основным условием, при котором только и возможна коренная реформа советского государства, является победоносное развитие мировой революции.

Возродиться революционное движение на Западе может и без партии, победить оно может только под руководством партии. На всю эпоху социальной революции, т. — е. на ряд десятилетий, интернациональная революционная партия остается основным орудием исторического прогресса. Урбанс, кричащий о том, что «старые формы» отжили, что необходимо нечто «новое» — что именно? — обнаруживает только путаницу... в довольно старых формах. Профессиональная работа в условиях «планового» капитализма, борьба с фашизмом и надвигающейся войной, несомненно, выдвинут те или другие новые методы и типы боевых организаций. Нужно только не фантазировать, как брандлерянцы, насчет нелегальных профессиональных союзов, а внимательно присматриваться к действительному ходу борьбы, подхватывать инициативу самих рабочих, развивать и обобщать ее. Но как раз для того, чтоб выполнять эту работу, нужна прежде всего партия, т. — е.

политически сплоченное ядро пролетарского авангарда. Позиция Урбанса субъективна: он разочаровался в партии после того, как с успехом пустил собственную «партию» ко дну.

Некоторые из новаторов заявляют: мы «давно» говорили, что нужны новые партии, теперь это признали, наконец, и «троцкисты»; когда-нибудь они поймут и то, что Советский Союз — не рабочее государство. Эти люди делают астрономические «открытия», вместо того, чтобы исследовать реальный исторический процесс. Секта Гортера и германская «Рабочая Компартия» еще в 1921 году решили, что Коминтерн погиб. Таких заявлений с того времени было не мало (Лорио, Корш, Суварин и проч.). Однако, из этих «диагнозов» решительно ничего не выходило, ибо они отражали лишь субъективное разочарование кружков и лиц, а не объективные потребности исторического процесса. Именно поэтому крикливые новаторы и остаются сейчас в стороне. *(По самому существу своему сказанное не может относиться к тем организациям, которые сравнительно недавно откололись от социал-демократии или имели вообще свой особый тип развития (как голландская Революционная Социалистическая Партия) и которые естественно отказывались связывать свою судьбу с судьбой Коминтерна в период его упадка. Лучшие из этих организаций становятся сейчас под знамя нового Интернационала. Другие станут завтра.)*

Ход событий не следует заранее данному маршруту. В глазах масс, а не одиночек, Коминтерн погубил себя капитуляцией перед фашизмом. А советское государство, правда, с крайне пониженным революционным авторитетом, существует и после крушения Коминтерна. Нужно брать факты, как они даны действительным развитием, не капризничать, не надувать губы, как Симон Вейль, не обижаться на историю и не поворачиваться к ней спиной.

Чтобы строить новые партии и новый Интернационал, нужны прежде всего надежные принципиальные основы, стоящие на уровне нашей эпохи. Мы не делаем себе никаких иллюзий относительно недочетов и пробелов в теоретическом инвентаре большевиков-ленинцев. Однако, их десятилетняя работа подготовила основные теоретические и стратегические предпосылки для построения нового Интернационала. Рука об руку с новыми союзниками мы разовьем эти предпосылки и конкретизируем их на основе боевой критики.

ЧЕТВЕРТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И СССР

Ядром новой партии в СССР — по существу, возрожденной в новых условиях большевистской партии — явится группировка большевиков-ленинцев. Даже официальная советская пресса последних месяцев свидетельствует о том, что наши единомышленники мужественно и не без успеха ведут свою работу. Но иллюзии были бы неуместны: партия революционного интернационализма сможет освободить рабочих из под разлагающего влияния национальной бюрократии только в том случае, если интернациональный пролетарский авангард снова появится на арене, как боевая сила.

С начала империалистской войны, а в развернутом виде — с Октябрьской революции, партия большевиков играла ведущую роль в мировой революционной борьбе. Сейчас это положение полностью утрачено. Это относится не только к официальной карикатуре на партию. Совершенно исключительные по трудности условия работы русских большевиков-ленинцев исключают для них возможность

руководящей роли в международном масштабе. Более того: группировка «левой оппозиции» в СССР сможет развернуться в новую партию только в результате успешного формирования и роста нового Интернационала. Революционный центр тяжести окончательно передвинулся на Запад, где ближайшие возможности партийного строительства неизмеримо шире.

Под влиянием трагического опыта последних лет в пролетариате всех стран накопилось огромное количество революционных элементов, которые ждут ясного слова и незапятнанного знамени. Правда, конвульсии Коминтерна почти всюду толкнули новые слои рабочих в сторону социал-демократии. Но именно этот приток взбудораженных масс становится страшной опасностью для реформизма: он трещит по всем швам и распадается на фракции, выделяя из себя везде революционное крыло. Таковы непосредственные политические предпосылки нового Интернационала. Первый камень уже заложен: это принципиальная декларация четырех организаций.

Условием дальнейших успехов является правильная оценка мировой обстановки, и в том числе классовой природы Советского Союза. По этой линии новый Интернационал подвергнется испытанию уже с первых дней своего существования. Прежде чем он сможет реформировать советское государство, он должен будет взять на себя его защиту.

Всякое политическое течение, которое под предлогом «непролетарского» характера Союза, махнет на него безнадежно рукой, рискует оказаться пассивным орудием империализма. И с нашей точки зрения, не исключена, разумеется, трагическая возможность того, что первое рабочее государство, ослабленное своей бюрократией, падет под соединенными ударами внутренних и внешних врагов. Но даже и в этом, худшем варианте, огромное значение для дальнейшего хода революционной борьбы будет иметь вопрос о том, где виновники катастрофы. На революционных интернационалистов не должно пасть ни малейшей частицы вины. В час смертельной опасности они должны оставаться на последней баррикаде.

Сегодня потрясение бюрократического равновесия в СССР послужило бы почти наверняка на пользу контрреволюционных сил. При наличии же действительно революционного Интернационала неизбежный кризис сталинского режима откроет возможность возрождения СССР. Таков наш основной курс.

Внешняя политика Кремля наносит каждый день удары мировому пролетариату. Оторвавшись от масс, дипломатические чиновники под руководством Сталина, попирают самые элементарные революционные чувства рабочих всех стран, к величайшему ущербу прежде всего для самого Советского Союза. Но тут нет ничего неожиданного. Внешняя политика бюрократии дополняет внутреннюю. Мы боремся против той, как и против другой. Но мы боремся под углом зрения защиты рабочего государства.

Чиновники распадающегося Коминтерна в разных странах продолжают клясться в верности Советскому Союзу. Было бы непростительной глупостью строить что-либо на этих клятвах. Крикливая «защита» СССР составляет для большинства этих людей не убеждение, а профессию. Они не борются за диктатуру пролетариата, а подтирают следы сталинской бюрократии (см. , например, «Юманите»). В критический час барбюссированный Коминтерн способен будет оказать

Советскому Союзу не большую поддержку, чем то сопротивление, которое он оказал Гитлеру. Иное дело революционные интернационалисты. Бесчестно травимые бюрократией в течение десятилетия, они неутомимо призывают рабочих к защите Советского Союза.

В тот день, когда новый Интернационал покажет русским рабочим, не на словах, а на деле, что он, и только он, стоит на защите рабочего государства, положение большевиков-ленинцев внутри Союза переменится в 24 часа. Новый Интернационал предложит сталинской бюрократии единый фронт против общих врагов. И если наш Интернационал будет представлять из себя силу, бюрократия не сможет в минуту опасности уклониться от единого фронта. Что останется тогда от многолетних наслоений лжи и клеветы?

Единый фронт со сталинской бюрократией не будет и в случае войны означать «священного единения», по примеру буржуазных и социал-демократических партий, которые на время империалистской свалки прекращают взаимную критику, чтоб тем вернее обманывать народ. Нет, и в случае войны мы сохраним критическую непримиримость по отношению к бюрократическому центризму, который не сможет не обнаружить свою неспособность вести подлинно революционную войну.

Проблема мировой революции, как и проблема Советского Союза резюмируются в одной и той же короткой формуле: Четвертый Интернационал!

Л. Троцкий.

1 октября 1932 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЕГО ПРИНЦИПАХ

Нижеподписавшиеся организации, в полном сознании ложащейся на них исторической ответственности, решили объединить свои усилия для совместной работы над возрождением революционного пролетарского движения в международном масштабе. В основу своей деятельности они полагают следующие принципы:

1. Смертельный кризис империалистского капитализма, не оставляя никакого места для политики реформизма (социал-демократия, Второй Интернационал, бюрократия Интернациональной Федерации профсоюзов) ставит ребром задачу разрыва с оппортунистической политикой и революционную борьбу за завоевание власти и установление пролетарской диктатуры, как единственного пути для преобразования капиталистического общества в социалистическое.
2. Задача пролетарской революции по самому существу своему имеет интернациональный характер. Пролетариат может построить законченное социалистическое общество только на основах мирового разделения труда и мирового сотрудничества. Нижеподписавшиеся решительно отвергают теорию

«социализма в отдельной стране», как подрывающую самые основы пролетарского интернационализма.

3. С не меньшей энергией надлежит отвергнуть теорию австро-марксистов и вообще «левых» реформистов и центристов, которые, под прикрытием интернационального характера социалистической революции, проповедают выжидательную пассивность в собственной стране, предавая тем на деле пролетариат в руки фашизма.

Пролетарская партия, уклоняющаяся в нынешних исторических условиях от захвата власти, совершает худшую измену. Победоносный пролетариат отдельной страны должен укреплять свою национальную диктатуру социалистическим строительством, по необходимости неполным и противоречивым, и в то же время прилагать все силы для распространения социалистической революции на другие страны. Противоречие между национальным характером захвата власти и интернациональным характером социалистического общества разрешается только смелым революционным действием.

4. Третий Интернационал, выросший из Октябрьской революции, заложивший основы революционной политики в эпоху империализма и давший мировому пролетариату первые уроки революционной борьбы за власть, пал жертвой ряда исторических противоречий. Изменническая роль социал-демократии, молодость и неопытность коммунистических партий привели к крушению послевоенных революционных движений на Западе и Востоке. Изолированное положение пролетарской диктатуры в отсталой стране обеспечило чрезвычайное могущество советской бюрократии, все более консервативной и национально-ограниченной. Рабская зависимость секций Коминтерна от советской верхушки привела, в свою очередь, к новому ряду тяжелых поражений, бюрократическому перерождению теории и практики коммунистических партий, их ослаблению и упадку. В дальнейшем Коминтерн не только стал неспособен к выполнению своих исторических задач, но все больше и больше становился препятствием революционному движению.

5. Наступление фашизма в Германии явилось высшим испытанием для рабочего класса в лице его организаций. Социал-демократия получила возможность еще раз подтвердить то определение, которое дала ей Роза Люксембург: «смердящий труп». Очищение рабочего движения от организаций, идей и методов реформизма является основным условием победы над капитализмом.

6. С не меньшей силой немецкие события обнаружили крушение Третьего Интернационала. Несмотря на свое четырнадцатилетнее существование, опыт грандиозных боев, моральную поддержку советского государства и обильные средства для пропаганды, КП Германии, обнаружил в исключительно благоприятных условиях экономического, социального и политического кризиса полную революционную несостоятельность, доказав этим окончательно, что, несмотря на героизм многих ее членов, она неспособна выполнить свою историческую задачу.

7. Положение мирового капитализма; ужасающий кризис, ввергающий народные массы в небывалую нищету; революционные движения угнетенных колониальных масс; мировая опасность фашизма; перспектива нового цикла войн, несущая с собой угрозу гибели всей человеческой культуры, — таковы условия, повелительно требующие сплочения пролетарского авангарда в новый (4-ый) Интернационал.

Нижеподписавшиеся обязуются приложить все свои силы к тому, чтоб этот Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным.

8. Готовые к сотрудничеству со всеми теми организациями, группами, фракциями, которые на деле развиваются от реформизма или бюрократического центризма (сталинизма) в сторону революционной марксистской политики, нижеподписавшиеся категорически заявляют в то же время, что новый Интернационал должен исключать какое бы то ни было примиренчество по отношению к реформизму или центризму. Необходимое единство рабочего движения не может быть достигнуто смешением революционных и реформистских взглядов или приспособлением к сталинской политике, но только через преодоление политики обоих обанкротившихся Интернационалов. Чтоб новый Интернационал был достоин своих задач, он не должен допускать никаких уклонов от революционных принципов в вопросах восстания, пролетарской диктатуры, советской формы государства и т. д.

9. По своей классовой опоре, по своим социальным основам, по безусловно господствующим формам собственности, СССР остается и сегодня рабочим государством, т.— е. орудием построения социалистического общества. Защиту Советского Союза от империализма и внутренней контрреволюции новый Интернационал напишет на своем знамени, как одну из важнейших задач. Именно революционная защита СССР повелительно возлагает на нас задачу освобождения революционных сил во всем мире от губительного влияния сталинского Коминтерна и построение нового Коммунистического Интернационала. Революционная защита СССР может быть успешна только при условии полной независимости международных пролетарских организаций от советской бюрократии и неутомимого разоблачения ее ложных методов перед лицом рабочих масс.

10. Необходимым условием здорового развития революционных пролетарских партий в национальном, как и в интернациональном масштабе, является партийная демократия. Без свободы критики, выборности должностных лиц снизу доверху, контроля низов над аппаратом, нет подлинно революционной партии.

Потребности конспирации в нелегальных условиях изменяют неизбежно формы внутренней жизни революционной партии, ограничивая или вовсе исключая возможность широких дискуссий и выборов. Но и при новых тяжелых условиях и обстоятельствах сохраняют всю свою силу основные требования здорового партийного режима: честная информация партии, свобода критики и действительно соответствие между руководством и большинством партии.

Подавив и растоптав волю революционных рабочих, реформистская бюрократия превратила социал-демократию и профсоюзы в бессильные скопления миллионных масс. Новый Интернационал, как и партии входящие в его состав, должны построить всю свою внутреннюю жизнь на основах демократического централизма.

11. Нижеподписавшиеся создают, путем делегирования своих представителей, Постоянную Комиссию, поручая ей:

а) выработку программного Манифеста, как хартии нового Интернационала;

- б) подготовку критического обзора современного рабочего движения в лице его организаций и направлений (комментарий к Манифесту);
- в) выработку тезисов по всем основным вопросам революционной стратегии и тактики пролетариата;
- г) представительство нижеподписавшихся организаций перед лицом всего мира.

Интернациональная Левая Оппозиция (большевики-ленинцы).

Социалистическая Рабочая Партия Германии (САП).

Независимая Социалистическая Партия Голландии (ОСП).

Революционная Социалистическая Партия Голландии (РСП).

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)

№ 36–37.